

ТАТЬЯНА
ДЫБОВСКАЯ

ПРОЕКТ
«БО
РО
ДА»

альпина
ПРОЗА

Москва, 2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
Д87

Книга издана при содействии Литературного агентства «Вимбо»

Редактор АНАСТАСИЯ ШЕВЧЕНКО

Дыбовская Т.

Д87 Проект «Борода» : [роман] / Татьяна Дыбовская. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 472 с.

ISBN 978-5-00223-824-8

Две эпохи, одна тайна. В Российской империи в результате сложной интриги живого классика заменяет двойник. В современной Москве команда энтузиастов ищет доказательство этой подмены, выстраивая сложную многоходовку. Параллельные сюжеты слетаются в узел, где литературная мистификация сталкивается с реальной опасностью. Кто напишет финал этой истории: прозаик, спецслужбы или случайность?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-824-8

© Т. Дыбовская, 2026
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

Содержание

Пролог	5
1. НАКАНУНЕ	13
2. ИГРОК.....	38
3. ПОБЕДОНОСЦЕВ В ПОТЕМКАХ	61
4. ПОРОГ	90
5. ОТЦЫ И ДЕТИ.....	122
6. ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ	153
7. МИЛЬОН ТЕРЗАНИЙ	184
8. ЖИВОЙ ТРУП.....	215
9. ТАК ЧТО ЖЕ НАМ ДЕЛАТЬ?	248
10. ЖЕРМИНАЛЬ.....	273
11. РАССКАЗ МАТЕРИ АЛЕКСЕЯ.....	308
12. ВЛАСТЬ ТЬМЫ.....	341
13. ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ	367
14. ЛЕКСИКОН ПРОПИСНЫХ ИСТИН.....	394
15. Я ОБВИНЯЮ	424
16. РАЗОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК.....	449
Эпилог	471

ПРОЛОГ

Сентябрь 1877, Круассе

— Итак, — сказал Флобер после паузы, сумрачно глядя вдаль поверх собственной трубки и позолоченного солнцем осеннего парка. — Вы, выходит, хотите оживить нашего... да я даже не знаю, как его назвать.

— Гомункулуса? — засмеялся его собеседник. Внешность у него была внушительная, а голос — неожиданно тонкий. Это было и странно, и забавно, и привыкнуть невозможно; Флобер непроизвольно улыбнулся, тут же устыдился этого и попытался придать своему лицу выражение сколь возможно постное.

Обладатель смешного голоса сидел в соседнем кресле, с точно такой же трубкой и так же неотрывно, как Флобер, смотрел вдаль. Однако флюберовского скептицизма в его взгляде не было и в помине. Напротив, он был радостен и энергичен, как борзая перед охотой, и точно так же готов был немедленно сорваться с места — по всей видимости, чтобы тотчас же приступить к осуществлению своего безумного плана.

— Вы только посмотрите, как тиха, как прекрасна сегодня погода, — с детской улыбкой воскликнул он, чуть склонив

голову набок, словно художник, самолично написавший открывающийся им с террасы вид. — А эти облака? А?

— Не заговаривайте мне зубы.

— Ну не ворчите, друг мой. Согласитесь, наш гомункулус идеален. Писатель, уже опубликовавший несколько романов и статей, но при этом не известный широкой публике и не пользующийся особенным успехом. Писатель, который имеет связи с издателями, но при этом не знаком ни с кем лично. С именем и национальностью, но без биографии. Он просто создан для того, чтобы обрести плоть и кровь, разве нет?

— По правде говоря, мое смущение вызвано не столько вашим фантастическим замыслом, сколько его подоплекой. — Флобер поморщился. — Мой милый Тургенев, вам известно, как я вас люблю, как ценю вас, с каким уважением отношусь к вашему мнению. Но, помилуйте, вы же предлагаете мне принять участие в спасении социалиста! Со-ци-а-лис-та! Пусть даже он ваш друг — вы же знаете, как отвратительны мне социалисты...

— Я спасаю не социалиста, — строго возразил Тургенев, выпрямляясь в кресле. — Я спасаю величайшего, талантливейшего писателя России. Ваши представления о моей дружбе с ним также превратны — наши отношения весьма прохладны. Однако же... — Он со значением поднял указательный палец. — Я чувствую внутренний нравственный долг спасти его для литературы. Понимаете? Долг. В России просвещенная публика носит его на руках. И в этом кроется великая опасность — и для него, и для России.

— Что же он такого написал? — брюзгливо поинтересовался Флобер. — Вы никогда не присылали мне его романов.

— Пришлю непременно. Он написал роман-эпопею. Историю одной семьи, тесно переплетенную с историей страны — кстати, времен войны с наполеоновской Францией. Ему великолепно удаются бытовые сцены — читаешь, и Россия словно встает перед глазами...

— История одной семьи... а велик ли роман? — неожиданно прищурился Флобер. — Достаточно ли он длинен и подробен?

— Весьма велик, — подтвердил Тургенев. — Я бы сказал, даже слишком. Но какое отношение...

— Ругон-Маккары! Представьте себе серию романов — десять, двенадцать, возможно, больше, — посвященную членам одной и той же семьи, где все герои, принадлежа к разным сословиям и обладая непохожими профессиями, были бы тем не менее объединены одними и теми же предками... Подобного еще не было в литературе!

— Блестящая идея, — быстро кивнул Тургенев. — Я убежден, что он согласится. Он прекрасно пишет по-французски, а мы с вами могли бы устроить публикации, а затем уже предъявить читателям самого автора. Да, это просто великолепно! Но сейчас я хочу попросить вас о другом. Ему нужна правдоподобная история жизни для будущих биографов, которые непременно найдутся. Вы лучше меня можете вообразить биографию французского писателя, чтобы в ней не было явных несообразностей.

— Французского? — критически усмехнулся Флобер. — С такой-то фамилией? Мне помнится, вы упоминали, что это русское слово... что-то связанное с бедной трудолюбивой Синдереллой, я запомнил... или вы хотите приписать своему герою русские корни?

— Невозможно, — покачал головой Тургенев. — Только не русские. Пусть будут... итальянские или греческие, что-то, совершенно с Россией не связанное.

— И ведь еще акцент, — продолжал Флобер, не слушая его. — Ваш протезе может сколь угодно прекрасно писать по-французски, но, как только он откроет рот, окружающим станет ясно, что он не парижанин.

— Но он может шепелявить, картавить...

— Еще того лучше. Шепелявый, картавый и с акцентом. Но вообще, признаюсь, меня начинает увлекать ваш замысел. Своими руками вменить нашим полоумным, невежественным «демократам» подложного, подставного писателя-социалиста... Положительно, это лучшая гадость, которую я мог бы им сделать!

— Я надеялся на ваше чувство юмора, — с удовольствием заметил Тургенев.

— Просто вам хорошо известно мое отвращение к нынешним политикам. — Флобер заново набил трубку и неторопливо закурил, прикрыв глаза. — Ладно, за дело. Вы упомянули о приличествующей биографии? Извольте. Итак, наш герой — провинциал, хуже того — амбициозный провинциал. Мелкий буржуа. Социалист-буржуа по происхождению, разве не изящно? Ну разумеется, рано потерял отца, семья бедствовала... учился в каком-нибудь пансионе средней руки, потом в коллегии. Играл на кларнете, не обладая ни малейшим музыкальным дарованием... Ваш социалист не играет на кларнете?

— Насколько мне известно, нет, — развел руками Тургенев.

— Все равно. Это оставим, это смешно. Девицам должно нравиться. Заезжий музыкант целуется с кларнетом... брр, похоже на начало шансонетки. Далее, окончив коллегию,

он приезжает в Париж учиться в лицее... скажем, Святого Людовика. Поступает в Сорбонну, проваливается на экзаменах... на литературе, непременно.

— Да вы жестоки! — расхохотался Тургенев. — Отчего же не на естественных науках?

— Вам ли не знать, как ваши нигилисты превозносят естественные науки, — желчно заметил Флобер. — Ваш же Базаров более всего на свете любил лягушек резать. С нравственностью, с душевными качествами дела у этой публики обстоят куда как хуже... Нет уж, пусть проваливается на литературе и доучивается в своей провинции. Потом ему, конечно, амбиции не дают покоя, он возвращается... Бедствует, страшно бедствует! Надо создать почву для грядущего обращения к идеям всеобщего равенства. Живет в притонах, ест крыс...

— Отчего же не лягушек? Кажется, это вполне по-французски.

— Лягушки — деликатес, — обиделся Флобер. — Впрочем, если вам угодно, пусть режет их и ест сырыми. Натурализм у нынешней молодежи как раз входит в моду.

— Дорогой мой! — ужаснулся Тургенев. — Ну пожалейте хоть немного наше будущее литературное дарование. Пусть он ест что-нибудь более возвышенное... ну хоть воробьев.

— Прекрасно, пусть ест воробьев. Но на общем подходе я настаиваю! Пусть он будет такой студент-медик от литературы. Ну, затем он начинает сотрудничать в издательствах, его отовсюду, естественно, гонят за радикализм... Надо бы, кстати, написать несколько заметок от его имени задним числом. Или, например, пьесу. Душещипательную пьесу о бедном сословии. Затем потихоньку берется за ум и начинает писать наши с вами романы. На этом поприще добивается успеха.

— Невероятно, друг мой, — улыбнулся Тургенев. — Вы просто прирожденный мистификатор.

— Надо бы его женить, — подумав, сообщил Флобер. — Буржуа-социалист без спутницы не вызовет доверия.

— Раз надо, так женим, — пожал плечами Тургенев. — Найдем ему какую-нибудь даму... с детьми, конечно, будет сложнее. Придется нашему писателю на первых порах жить бездетным. Впрочем, ему это может даже прийтись по вкусу — в России у него порядочное число отпрысков. Всех даже и не упомнишь.

— О нет, — вздохнул Флобер. — Положительно, мое мнение о нем все хуже и хуже.

— Поверьте, это лишь до тех пор, пока вы не прочтете его сочинений... Да, и нам с вами непременно нужно оставить какие-либо письменные свидетельства его существования. Написать рецензии на его романы, обсудить его в письмах, представить в обществе как своего хорошего друга.

— Он мог бы с нами обедать, — предложил Флобер. — С нами, Эдмоном и Альфонсом. Чтобы никто не сомневался, назовем это «обедами пяти»: Флобер, Тургенев, Гонкур, Доде... и Золя. Ну и фамилия! Ваш русский, я надеюсь, хотя бы любит поесть?

— Боюсь, не так беззаветно, как мы с вами. Впрочем, пусть носит подушку на животе под жилетом, и все решат, что он не дурак вкусно отобедать.

— Да что же это за человек? — покачал головой Флобер. — Друг мой, мы же говорим о писателе. Писателе! О том, кто должен возвышаться над гнусной толпой, должен быть горд, горд по праву таланта, понимаете? А ваш протезе, с ваших же слов, согласится носить на животе подушку, шепелявить, есть воробьев, а главное — жить чужой

жизнью, с чужой женщиной, под идиотским несуществующим именем... у него что же, совсем нет чести?

— Как раз наоборот, — очень тихо ответил Тургенев. — И именно поэтому у него нет выхода. Он согласится. Поверьте, Гюстав, он согласится.

1. НАКАНУНЕ

Наше время, Москва

В день рождения она получила в подарок букет роз капустного цвета и аккаунт в компьютерной игре.

Это блестящий результат, решила Ольга, кромсая маасдам на вечерние бутерброды. В прошлом году на день рождения она получила чьи-то неучтенные колготки и вишневую помаду в собственном бельевом ящике и невразумительную истерику на требование немедленно развестись.

Ну цветы, конечно, тоже были. Подарили в школе.

На столе зажужжал телефон. Ольга взглянула на экран с подозрением и оказалась права: это снова был Виталик. В четвертый раз. Отвечу, если позвонит в пятый, раздраженно пообещала она сама себе и снова отвернулась к бутербродам.

Он был в своем праве: с днем рождения ты имеешь безусловное право поздравить любого, даже если расстался с ним максимально некрасиво. Но это был ее праздник, и все, кого она хотела бы слышать в этот день, ей уже позвонили — мама с папой, Машка, Алёшка и Серафима Павловна.

И не стоило портить вечер разборками.

Подхватив притихший телефон, тарелку и кофейную чашку, разрезанную дизайнером вдоль на две половинки («вы просили полчашки...»), она перебралась в комнату, за рабочий стол. Чашку пристроила у ноутбука, тарелку — у настольной лампы. Телефон улегся поверх неровной стопки тетрадей. На него откуда-то с книжных полок спикировала мятая бумажка:

Напоминание.

Уважаемый коллега!

В среду, 25 сентября, в 14:30, в каб. № 38 состоится заседание Совета Дела. Будут обсуждаться вопросы Дня Культуры (праздник посвящен 200-летию со дня рождения Л. Н. Толстого). Очень прошу продумать концепцию праздника и предложить свой вариант. Ваше присутствие обязательно.

Спасибо, ИН.

Карандашом после «коллеги» было приписано: «Дымова». Лишнее «т» в слове «концепцию» аккуратно зачеркнуто. Разнообразия добавляли надписи: «Медаль?», «Проездные!!» — и несколько неизвестно чьих профилей.

Черт, совсем забыла. Толстовский праздник... какой на фиг толстовский праздник, когда до двухсотлетия Толстого еще четыре года?! Видимо, и без того небогатый креативный потенциал методистов иссяк окончательно.

Темы Ежегодных Дней Культуры (как будто все остальные дни были днями бескультурия) Инга Николаевна, завуч по воспитательной работе, получала из методического кабинета. Потом они с немеркнущим энтузиазмом пересказывались учителям. Учителя от пересказов чахли, тупели и неуклюже пытались слиться с мебелью.

КонцепТция... Инга Николаевна в прошлом преподавала русский язык и, конечно, представляла себе хотя бы в общих чертах правописание заимствованных слов, но объявление набирала в порядке общественной работы какая-нибудь шестиклассница. Завтра на заседании Инга Николаевна устремит на нее немигающий фанатичный взгляд и спросит: «А что же предложит Ольга Ивановна?» — хотя Ольга была Владимировна. С тех пор как, выйдя замуж, она сменила фамилию и Лёлька Мышковская стала Олей Дымовой, все руководство школы, как сговорившись, обращалось к ней исключительно «Ольга Ивановна».

Не зря старшие Мышковские дружно ополчились против Виталиковой фамилии.

— Попрыгунья! — в ужасе выдохнула бабушка, как и школьные коллеги, имея в виду чеховский рассказ.

— «Дымов» — это колбаса! — провозгласил менее начитанный папа, имея в виду известный рекламный слоган.

— И керамика? — подсказала Ольга, но он лишь обидно захохотал и бросил трубку.

Итак, какую же концепТцию Дня Культуры предложит нам завтра Ольга Ивановна?

Например, инсценировку Бородинского сражения. В спортзале. А еще лучше — в столовой.

Групповую беседу «Исповедь» с привлечением школьного психолога и инспектора по делам несовершеннолетних.

Классный час «Судьба Анны Карениной» с приглашением людей интересных профессий — машинистов скорых поездов.

Прекрасные творческие идеи, но Ингу Николаевну, пожалуй, накроет припадок. Ладно, можно завтра с утра черкануть Машке Архангельской, она толстовед, что-нибудь подскажет. Что осталось? Проверка тетрадей и игровой

аккаунт, полученный в подарок от П «Д». Но тетради только на послезавтра, а сегодня-то день рождения! День рождения надо проводить весело. А от предвкушения предусмотренных ЕГЭ по русскому сочинений на 150 слов (отчего же не на 30? краткость, как известно, — сестра) становилось настолько тоскливо, что жить не хотелось. Потом все равно заносить результаты в таблицу, а для этого нужен компьютер, очень логично рассудила Ольга и вместо «Экселя», предназначенного для того, чтобы делать таблицы, открыла, разумеется, телеграм. Ведь игра тоже про Толстого, уговаривала она себя, а во что еще может играть учительница русского и литературы, правда? Может, хоть там найдется подходящая идея для Дня культуры? Все играем в Толстого на компьютере? Нет, нельзя, тут же взвоют родители, будет скандал на тему «детей и так не оторвать от гаджетов».

А взрослых, можно подумать, от гаджетов оторвать легко, хмыкнула Ольга. Так, что ж там за игра...

Коротенькое, но милое поздравление с днем рождения и ссылка на бот, дающий доступ к игре, пришли ей в телеграм от пользователя Mammoth — номер скрыт, но Костя Мамонтов, давний ее поклонник из П «Д», по такому нику опознается без труда. Бот звался «Лёвчик “Босяк” Толстой», и с аватарки на Ольгу с неизбывной тоской смотрел, натурально, Лев Николаевич образца где-то 1890-х годов. А есть ли в профиле описание — а есть: Лёвчик «Босяк» Толстой, Ясная Поляна, родился 28 августа, вероисповедание — понятно, семейное положение — не «женат», что удивительно, а «все сложно». Вероятно, тот, кто заполнял анкету (кто бы это мог быть, не Мамонт же — разве что Юля Титова, финалистка городской олимпиады?), вдохновлялся Толстым тех времен, когда семейная жизнь перестала уже казаться ему высшим счастьем.

Кто-то из старших коллег говорил Ольге, что одно время это было модным развлечением в соцсетях — создавать странички известных писателей. Еще круче было с поэтами. «Комсомолка», что ли, в свое время разразилась статьей о каком-то подростковом сайте стихоплетов-любителей, на котором неизвестные остроумцы создали странички Пастернака и Мандельштама и выложили их стихи. Доверчивые читатели были в восторге. Пафос статьи, разумеется, заключался в том, до какого же уровня докатилось школьное образование, что наши юные читатели не знают крупнейших русских поэтов XX века. А вы что хотели? — зло парировали учителя. Кто вообще изучает литературу? Только абитуриенты профильных факультетов. Всем прочим ее успешно заменяет подготовка к ЕГЭ по русскому, в котором, вы не поверите, Пастернак с Мандельштамом не упоминаются. Так только ли в учителях дело?

(Хотя, если они с 11 «Д» будут продолжать учиться такими же темпами, как в десятом классе, они не то что Пастернака — Чехова пройти не успеют. Определенно надо ускориться.)

/start

«Вы — незарегистрированный толстовец, и потому не имеете доступа к игре», — констатировало новое сообщение (да я вообще, чтоб вы знали, не толстовец, возмутилась Ольга; однако возразить было некому).

Следующим сообщением она получила лимерик:

*Некий граф, бородою заросший,
Приносил мне, сияя, калошу:
«Ах, какую бижу
Я тебе покажу!» —
И махал этой странною ношей.*

И ниже указание: «Введите имя человека, которому граф приносил калошу». И палочка курсора мигала с готовностью.

Ах вот как, развеселилась Ольга. Тут еще и тесты вступительные заставляют проходить! ЕГЭ, так сказать, для взрослых. Ну ладно же! Она достала сигарету и затянулась, размышляя, но на память никаких историй о Толстом и калошах ей так и не пришло. Тогда она малодушно ввела «Толстой» и «калоша» в поисковик.

«Софья Толстая рассказывала, как однажды “Лёвочка сшил калошу, принес мне показывать и говорит: «C'est délicieux!»* А калоша прегрубо сшита и фасон безобразный”», — прочитала она.

Отлично, значит, калошу он приносил жене, Софье Андреевне. «Софья», — напечатала Ольга и нажала «ввод». Зловредный бот был вынужден признать, что ответ верный, о чем и известил ее соответствующей надписью. Но почему «бижу»-то? Вот же здесь — délicieux.

Да какая тебе разница, взвыл внутренний голос, ты же прошла, что тебе еще надо-то?! Ну нет, строго ответила Ольга. Надо разобраться. И набрала Машкин номер.

— О, Мышковская, — ничуть не удивилась Машка, хотя голос у нее был уже довольно сонный. — Ты все-таки надумала отмечать праздник с друзьями, как положено?

— А... нет, — смутилась Ольга. — Отмечаю я по-прежнему дома в обнимку с компом. Слушай, Мань, у меня тут тест по Толстому, можно я тебя поспрашиваю немного? Ты, наверно, спишь уже...

— Дура, что ли, — беззлобно засмеялась Машка. — Спрашивай сколько хочешь, это будет мой тебе подарок на днюху. А для поспать еще вся ночь впереди.

* Это восхитительно! (фр.)

— Спасибо, ты человек, — выдохнула Ольга. — Ты не помнишь такого сюжета: Лев Толстой принес кому-то калошу и утверждал, что она — бижу?

— Калошу сам сшил? — уточнила Машка. В трубке слышалось деловитое чирканье зажигалки.

— Сам. Знаешь, я в Яндекске посмотрела, и он выдает вот такое... — И Ольга зачитала ту самую цитату из поисковика.

— Не верь нейросетям, — посоветовала Машка. — Они зло, и рано или поздно нас поработят, как Скайнет и Матрица. И главное, врут все. У тебя есть дома Жданов?

— Кто? — растерялась Ольга.

— Не кто, а что, Лёля! Книга Жданова «Любовь в жизни Льва Толстого» есть у тебя? А, что с тебя взять! — Ольга прямо услышала, как Машка махнула рукой. — Повиси пока, я сейчас сама найду... ага. Так. Вот, пожалуйста, страница 173. 22 марта 1884 года Софья Андреевна писала сестре: «Лёвочка шьет сапоги и сшил сегодня калошу, принес мне и говорит: “C’est un bijou”*». Бижу, поняла? А не délicieux!

— Класс! — искренне восхитилась Ольга. — Спасибо тебе огромное! А можно я еще спрошу?

Следующий лимерик был таким:

*Раз в Хамовники Софье Андревне
Написал ейный муж из деревни,
Что, как видно, не ту
Отловил он в кусту
И ошибкой терзается древней.*

А задание было таким: «Напишите, с каким чувством муж Софьи Андреевны ловил кого-то в кусту».

* Настоящая жемчужина (фр.).

— Ну это легко, — моментально среагировала Машка. — С надеждой. «Шлялся по саду со смутной, сладострастной надеждой поймать кого-то в кусту». Я по этому «кусту» и запомнила. Вообще-то, это из ранних дневников Толстого, человек только с войны вернулся, женщин, наверно, несколько месяцев не видал...

— Точно, с надеждой, — бот снова признал, что ответ верный, но тест не закончился и на этом, и на экране появился новый стишок. — Слушай, а еще...

— Что, там и еще есть?! — изумилась Машка. — Экий плодovitый... сочинитель. С фантазией. Надеюсь, это хотя бы не школьник?

— Точно не знаю, но, кажется, именно школьник. Слушай:

*Граф из Тулы, мозгами не шаткий,
Сброшен был норовистой лошадкой,
А в сознание придя,
Завопил как дитя:
«Я теперь литератор — украдкой!»*

Задание: «Укажите, кому граф из Тулы описал эту историю».

— Черт, — пробормотала Машка после паузы. — Это даже как-то унизительно, но твой школьник меня озадачил. Я не понимаю, о чем идет речь.

— Раз «описал», значит, речь о письме? — предположила Ольга.

— Похоже... Значит, Толстого сбрасывает лошадь, он отрубается, а когда приходит в себя, понимает, что он писатель. Литератор. А почему «украдкой»?

— Может, для рифмы?

— Не-а. Уж не знаю, что у тебя там за школьник такой гениальный, но тут каждое слово важно. Лошади, лошади... Татьяна Кузминская, младшая сестра Софьи Андреевны, тоже, кажется, однажды чуть не упала с лошади.

— Слушай, они же все верхом ездили, — возразила Ольга. — Хоть раз в жизни должен был навернуться каждый. Я бы поставила на то, что он рассказывал о том, как почувствовал себя литератором, какому-то другому литератору. Понимаешь? Собрату по цеху. Тому, кому это будет понятно. Не знаю... Тургеневу.

— Или Фету, — вдруг сказала Машка. — Просто переписка Толстого с Фетом у меня тут под рукой на компе, а с Тургеневым — на работе только. Так что давай сейчас поищем твою лошадь у Фета, а не найдется — посмотрю завтра днем у Тургенева. А уж если и там нет, пойду на поклон к Максу. Просто очень спать хочется.

— Конечно! — пристыженно согласилась Ольга. Время и впрямь было уже позднее. — Мань, правда, ты извини, что я пристала...

— Ой, Мышковская, не начинай, — отмахнулась Машка. — Так, лошадка. «Ежик!.. Лошадка!» А знаешь, есть лошадка! Вот, 1865 год: «А знаете, какой я вам про себя скажу сюрприз: как меня стукнула об землю лошадь и сломала руку, когда я после дурмана очнулся, я сказал себе, что я — литератор. И я литератор, но уединенный, потихонечку литератор».

— Если бы мне такое попало у ученика, я бы засчитала ошибку, — поморщилась Ольга. — Лошадь руку сломала! И это классик!

— Пофиг, главное — Фет. И давай на этом, пожалуйста, закончим. Я сплю, Макс спит, все спят. И ты, Мышковская, тоже спи, — приказала Машка и дала отбой.

— Спокойной ночи, — сказала Ольга молчащей трубке. Только теперь она увидела пропущенный звонок — Виталик все-таки позвонил ей в пятый раз. Но я же не нарочно, оправдалась она, хотя на этот раз внутренний голос вел себя тихо.

«Вы успешно прошли вступительный тест игры “Мутная Полянка”, — сообщил тем временем бот. — Ваш аккаунт оплачен на месяц. Вот ваша ссылка для создания игрового профиля».

Быстро зарегистрируюсь, и спать, пообещала себе Ольга. А то так мучилась, обидно же! Сначала ник. Как бы себя назвать? Она бросила взгляд на верх странички, где было указано, кто из толстовцев в настоящий момент присутствует на сайте, но в онлайн болтались только True Лёвчик, помеченный как админ, и некто СФ. На работу им, что ли, не вставать, неприязненно подумала Ольга.

Так что же с ником, Крейцеровой Сонатой, что ли, назваться? Плохо. Получится, что она такая озверевшая училка-женоненавистница. Ночью приснится — испугаешься. Что тебе снится... крейсер Аврора... в час, когда... «В Ленинграде одна еврейка осталась — Аврора Крейсер...» Аврора Крейцер. Это уже намного лучше. Имя — Аврора Крейцер, город — Москва, год рождения — 1993, любимое произведение Льва Толстого — да, «Анна Каренина», что бы ни думала бывшая свекровь по этому поводу, аватарка — ой, нет, этим она лучше завтра займется, решила Ольга, нажимая «отправить». Или в выходные. Или еще когда-нибудь.

«Вы прошли регистрацию и доказали, что вы истинный толстовец! — обрадовался сайт. — Будем рады видеть вас в игре в любое время. Такие люди, как Вы, нам очень нужны. Проверка Ваших данных администрацией “Мутной Полянки” займет максимум сутки, уведомление об оконча-

нии проверки придет на указанный Вами адрес электронной почты. А пока — вообразите: холодной, снежной зимой 1876 года...»

Но Ольга уже крепко спала, уронив голову на стопку так и не проверенных сочинений.

2 (14) декабря 1876, Санкт-Петербург

Холодной, снежной зимой 1876 года, когда по некоторым улицам Петербурга было и не пройти из-за огромных сугробов, доходивших до вторых этажей домов, — от этих монолитных ледяных айсбергов откалывали глыбы лопатами, а затем вывозили на ломовых извозчиках, — настроение в городе, вопреки погоде, было оживленным и праздничным. Балы, приемы и театральные премьеры сменяли друг друга пестрой вереницей. Только что в Мариинке впервые была представлена опера «Кузнец Вакула», пусть и встретившая несколько прохладный прием у критиков, но по достоинству оцененная светской публикой. Благодаря наплыву приезжих, слетевшихся в столицу, как мотыльки на манящий вечерний огонек, гостиничное дело переживало небывалый подъем. Из-под лесов вновь показался Троицкий собор Петропавловской, где завершались ремонтно-восстановительные работы; город хорошел и принаряжался.

Оттого, наверно, и казалось, что все немногочисленные мрачные и нервные люди города собрались в одной-единственной квартире — в этой самой, тесной и неудобной, будто самой судьбой предназначенной для них, вспльчивых, колючих, накаленных, как иглы на лампе, — на Большой Дворянской, 13, в угловом четырехэтажном доме.

Это было тем более странно, что ни одному присутствующему не исполнилось еще и тридцати; им, молодым и образованным, среди которых были и истинные смельчаки, и гордые красавицы, скорее пристало бы танцевать и развлекаться. Но каждый из них разглядывал праздничное петербургское великолепие с равнодушием Кая, которому в глаз попал осколок льда. За внешним блеском они видели ужесточение цензуры, усиление контроля в университетах. Почти у каждого из них были друзья, находившиеся в этот самый момент в заключении или в ссылке после массовых арестов страшного 1874-го. Почти каждый пережил допросы, провокации, временное нелегальное положение, уход от полиции. И обсуждали они не новейшую театральную постановку, а куда более рискованное и не терпящее отлагательств дело.

«Опасным временем» назвал эти дни в своем дневнике Лев Николаевич Толстой.

Самые смелые, непреклонные и бесшабашные из них остро ощущали эту опасность. Даже верховодивший среди них, обычно веселый и энергичный, Марк Натансон сегодня был необычно серьезен. Ему было двадцать пять; он был одним из старейших и опытнейших участников движения. Именно он выискивал по всей России останки разгромленных народовольческих кружков, собирал по всем знакомым имена и фамилии сочувствующих революции, убеждал, агитировал, привлекал к деятельности, поддерживал уверенность в правоте и надежду на будущее. Именно он, вопреки исключению из академии по чьему-то доносу, до хрипоты спорил с конспираторами, доказывая, что для вступления в организацию не следует испытывать и провоцировать неофитов — достаточно уверенности в их честности.

Именно он первым взял слово, когда стихли разговоры, и именно он произнес те самые слова:

— Необходимо решить вопрос с демонстрацией.

Он имел в виду именно «решить», не провести, не выйти на улицы немедленно. Он понимал, что добром эта демонстрация не кончится ни для кого из них. Но если надо, если время пришло...

— Стоит ли торопиться? — будто читая его мысли, усомнился Александр Штанге, студент физико-математического. Он стоял, прислонившись к стене, глядя на собравшихся как бы сверху вниз. — Все мы в последнее время только и бредим демонстрациями, а стоило бы прежде разобраться с самой нашей организацией. Что мы такое? Общество «Земля и воля» существует считанные дни. Те из чайковцев, что не находятся под арестом, сохраняют самостоятельность. Кроме вас и вашей жены, Марк, к нам примкнул только Митя, да и еще без счета кружков и обществ действует сейчас в Петербурге... От этого пропаганда среди рабочих ведется совершенно бессистемно, на заводах появляются агитаторы то от одних, то от других, чем запутывают рабочих совершенно — только вчера столкнулись двое на Александровской мануфактуре! Долго между собой выясняли, кто из них провокатор. Просто курам на смех! Даже на этой, якобы хорошо законспирированной квартире постоянно появляются то лавристы, то бланкисты, то булановцы. Нет у нас до сих пор даже окончательной программы...

— Так будет! — горячо возразил Алексей Оболешев, хрупкий молодой человек крайне болезненного вида. — И неспроста мы, как вы выразились, «бредим» демонстрациями. Только они и вызывают отклик в обществе — вспомните весеннюю демонстрацию на похоронах Чернышёва.

Весь ноябрь в Петербурге только и говорят, что о предстоящей демонстрации, от нас ждут ее!

Не закончив говорить, он неожиданно тяжело закашлялся, схватившись рукой за бок.

— Алёшка, что с тобой? — забеспокоилась жена Натансона Ольга.

— Плеврит все мучает, — слабо отмахнулся Обошешев, прокашлявшись и вытирая лицо. — Ничего, пустое.

— Вы о сборе у Исакия? — уточнил Штанге, игнорируя предупреждающий взгляд Ольги. — Только с иронией о нем теперь и говорят в Петербурге. Ждали-ждали, так и не дождалось ничего существенного...

— И вы предлагаете еще подождать? Чтобы сторонники наши окончательно уж убедились в том, что мы ни на что толком не способны?

— Жорж, ну а ты что скажешь?

Человек, к которому был обращен вопрос, поднял голову и прищурился, задумавшись. Как и прочим участникам собрания, ему было около двадцати лет, однако он выгодно отличался от прочих хорошей выправкой и опрятностью облика: его одежда была выглажена и чиста, а каштановая бородка аккуратно подстрижена.

— Мы не властны над событиями, — сказал он наконец. — Да, вполне вероятно, что сейчас мы не совсем готовы к демонстрации. Но инициатива принадлежит не нам, а рабочим кружкам: именно они настаивают на революционном выступлении, да таком, чтобы главную роль играли не студенты, а они, фабричные. Могли ли мы, при нынешнем уровне организации, когда мы ослаблены арестами и процессами, мечтать о большем? Не мы ли обязались в своей деятельности руководствоваться чаяниями и устремлениями народа? Подумайте, ведь мы говорим о первой в исто-

рии России политической рабочей демонстрации! Первой демонстрации в Петербурге и второй в России!

— Значит, пойдем-таки к Исакию? — усмехнулся Штанге.

— Только не к Исакию. — Натансон покачал головой. — Не стоит создавать ненужных ассоциаций с выступлением, намеченным неизвестно кем и неизвестно зачем. Слухи эти вполне могут быть и просто провокацией. Пойдем к Казанскому. И непременно в воскресенье, пятого декабря. Чернышёвская демонстрация могла бы быть многочисленнее, если бы ее не устроили в будний день.

— Что же за повод выберем? Похорон, кажется, никаких не намечается.

— Типун вам на язык! — не выдержал Оболенев и снова зашелся в приступе влажного кашля. Его лицо горело.

— И правда, — поддержала его Ольга. — Не ожидала от тебя такого, Александр... воздержись впредь от подобных высказываний.

Тот покорно склонил голову, но недовольство с его лица не исчезло.

— Лучше вот так: закажем панихиду по всем, кто уже погиб, — продолжала Ольга. — Сделаем пятое декабря нашим общим днем памяти.

— Придут все наши, — твердо сказал Марк. — Конечно, студенты: у нас много сторонников в Медико-хирургической академии, в Лесном, твоими стараниями, Жорж, и в Горном... Дед, Степан, вы отвечаете за рабочие кружки.

Дед, Николай Хазов, уже привлекавшийся меньше двух лет назад по делу о пропаганде в империи, а ныне состоящий под полицейским надзором, молча кивнул. Степан Халтурин, все последние месяцы только и носившийся энергичной молнией по заводам и фабрикам, сверкнул белозубой

улыбкой. И судьба первой в России рабочей демонстрации была решена.

Решить-то было несложно, а вот организовать за два оставшихся дня... Плохо сработала система оповещения — кто не узнал о предстоящем событии, кто просто отказался участвовать. На улице не отступал тридцатиградусный мороз. Вечером четвертого декабря, когда на решающем собрании (в этот раз на Выборгской стороне) встретились землевольцы и представители рабочих кружков с крупнейших заводов и фабрик Петербурга, выяснилось неожиданно, что назавтра демонстрацию провести никак невозможно.

— Отменить, быть может? — предложил кто-то робко.

— Отступить некуда, — решительно возразил Жорж Плеханов. Он говорил так громко и уверенно, что остальные поневоле затихли. — Если и эта демонстрация не случится, мы будем выглядеть глупо. Довольно уже осторожничать. Проведем шестого декабря, в Николин день. Оповестим за завтрашний день всех, кого сможем. Будем обходить дома. Если соберется хоть несколько сот человек — ничего не отменяем. Так. Теперь порядок. Собираемся внутри Казанского в десять утра, кто не поместится — снаружи, на паперти. Заказываем панихиду по погибшим. После панихиды на площади перед собором — демонстрация рабочих. Ставлю на голосование. Кто за?

Одновременно вскинули руки Натансоны, Михайлов, Халтурин, Хазов — все ключевые землевольцы. Плеханов обвел глазами остальных — за были и все присутствующие социалисты, не вошедшие в состав «Земли и воли» (Вера Фигнер, конечно, первая — так отчаянно тянула руку, что чуть со стула не свалилась), и почти все представители рабочих.

Тяжелое решение было принято, и настроение у всех сразу улучшилось.

— Почти единогласно, — радостно сказал Сергей Кравчинский. И даже засмеялся низким звучным голосом.

Натансон обожал Сергея. Все его обожали. Он был бунтарь, бродяга, в любом месте Европы чувствовал себя как дома, за полгода начинал не только говорить на местном языке, но и писать, быстро, эмоционально, талантливо — он был скорее журналист, чем писатель, но ведь и для этого нужна известная одаренность. В том году Сергей больше месяца провел артиллеристом в повстанческом отряде в Герцеговине — как его туда занесло? Загадка. Теперь собирался в Италию. Там тоже были и горы, и повстанцы — все, что он любил.

— А давайте красное знамя, — выпалил Михайлов, пока Натансон размышлял о похождениях Сергея. — Как в марте в Пензенской губернии, помните?

— Правильно, — поддержал его рабочий с Новой бумагопрядильни.

Остальные одобрительно зашумели.

— Я принесу знамя, — вызвалась Ольга. — И выйдем на нем «Земля и воля». А поднимут пусть рабочие, чтобы видно было, что демонстрация пролетарская.

— Я подниму! — азартно выкрикнул парнишка лет шестнадцати. Его звали Яшка Потапов, и в Петербурге он был недавно — приехал на заработки из какой-то тверской деревни. — Я, ладно?

— По вопросу о знамени — единогласно? Тогда решено, — серьезно сказал Марк, хотя глаза его смеялись. — Завтра каждый оповещает свой участок. Собираемся внутри Казанского собора шестого декабря в десять, проводим панихиду, потом демонстрацию, поднимаем знамя. Расходимся обычным порядком, товарищи. И помните об осторожности.

В понедельник Натансон и Жорж Плеханов пришли к Казанскому собору одними из первых. Людей собралось

меньше, чем они рассчитывали, однако собор быстро заполнялся. Через час тут было не протолкнуться, да и на площади демонстрантов было изрядно.

И даже тогда все было тихо. Правда, около входа курил городской, а на площади нерешительно маялось несколько полицейских и жандармов. Однако не получив, очевидно, четких инструкций, они ждали каких-либо провокаций со стороны собравшихся и не вполне представляли, как себя вести.

Внутри собора тоже наблюдалась некоторая заминка.

— Нельзя панихиду служить, — запыхавшись, доложил молодой изящный юноша из харьковского кружка, протиснувшись сквозь толпу к «ядру» землевольцев. — Церковный староста отказывается. Говорит, царский день сегодня.

— Фу-ты ну-ты, — презрительно скривился Валериан Осинский. Синеглазый, невысокий и тонкий — в чем жизнь держится, — это был прирожденный боевик, решительный и быстрый. — Царский день, вишь ты... Хочешь, я с ним по-своему поговорю?

— Погоди... закажем во здравие, — решил Натансон. — Во здравие именинника, Николая Чернышевского, что сейчас в Вилуйском остроге, и во славу будущей революции.

Плеханов молча протянул юноше трешку.

Службу отстояли беспокойно. Кто крестился и кланялся, кто демонстративно скрестил руки на груди. То и дело кто-то выходил посмотреть, что творится снаружи. Курсистки перешептывались, собравшись в стайки. Арестов ждали каждую минуту. Но даже и тогда все было тихо.

— Пора! — скомандовал Натансон, когда молебен окончился. Демонстранты вывалились на площадь, оставшиеся в соборе напирали сзади.

— Где же все рабочее? — в отчаянии прошептал Михайлов, обводя взглядом площадь. — Так и знал, что не успеют